

Голос народной артистки России Елены Камбуровой невозможно спутать ни с каким другим. Огромный репертуар соткан из лучших имен русской и зарубежной поэзии — это то, что французы называют емким словом «шансон» — жанр поэтической песни. Не так давно Камбурова обрела то, к чему стремилась всю жизнь — свой театр музыки и поэзии. В небольшом здании на Пироговке она собирает сегодня друзей и единомышленников. В театре уже сыграны две премьеры — спектакли «Грезы» по песням Шуберта и Шумана и «Капли датского короля» по песням Булата Окуджавы.

Елена КАМБУРОВА:

Рез. Москва — 2004 — 9 авг. — с. 6

Я такой постоянный Андеграунд

**МОЛОДЫЕ
БЕЗНАДЕЖНО
ЗАРАЖЕНЫ
ПОПСОВОЙ
ИНТОНАЦИЕЙ,
СЧИТАЕТ ПЕВИЦА**

— Елена Антоновна, вы человек счастливый, или драматизм судьбы перевешивает?

— В моей жизни бывают счастливые моменты. Но выходы на сцену — очень серьезная часть моей жизни, если не сказать большего. И на сцене у меня бывает много сложных и драматических моментов.

— Я побывал на двух спектаклях вашего театра. Вам удается выдерживать ту же эмоциональную атмосферу, к которой я привык на ваших концертах. Как вы находите единомышленников?

— Это действительно очень не просто. Сегодня на дворе время, которое не способствует появлению родственных душ. Они остались либо в моем поколении, либо в поколении чуть моложе меня. Сегодня многих молодых людей, пытающихся петь, даже трудно представить себе в роли исполнителей, скажем, песен Окуджавы. Они просто безнадежно заражены попсовой интонацией, которую уже ничем не вытравить. Это такой штамп, который безостановочно тиражируется нашим радио и телевидением. Никогда еще так сильно порнографическое начало, элементарная пошлость и подмена героев не имели такого сильного влияние на общество и на искусство в частности.

— Ваш театр — это вызов нашему времени?

— Это оплот сопротивления, он должен быть заповедником. Мы ощущаем себя здесь дежурными по поэзии. Я себя сама давно уже назначила таким дежурным. Для некоторых моих молодых артистов это было первое знакомство с песнями Окуджавы. И я очень рада, что они смогли почувствовать материал, войти в него. А Ульяна Ангелевская и Юрий Цендровский пели песни Булата и раньше. Спектакль уже готов, но я постоянно что-то дополняю, вношу изменения. Но никто из них не считается со временем, если речь идет о дополнительных репетициях.

— В самом начале вашего пути вас обвиняли в какой-то уж слишком своей интонации, которая выбивалась из общего ряда... Что помогло вам сохранить ее, выстоять? Ведь фактически вы одна противостояли мощной непробиваемой стене.

— Мои зрители! С самого начала это была студенческая аудитория, мои ровесники. Им не надо было объяснять, почему я пою эти песни. Насколько же изменились времена! Если мне сегодня предложат выступить перед студенческой аудиторией, я скорее всего откажусь. У меня был удивительный случай в Белгород-

ском университете. Там все оборудовано по последнему слову техники: все шикарно, коридоры чистейшие, мрамор, зимний сад, красота неопишная — будто ты где-то во Франции, в Париже. Но ректор меня сразу предупредил: «Один из двух концертов будет для вас тяжелым!». И действительно, концерт для педагогов, для публики из города прошел нормально. А вот второй... Я не оратор и не мастер говорить речи, но я тогда перед вторым отделением все-таки высказала этим мальчикам и девочкам все, что думаю и о нашем времени, и о стихах, и о песне. Зал преобразился — и это было чудо. Дело даже не во мне и не в моих песнях. Но ведь вы подумайте: во все времена, во все века само понятие «университет» воспринималось как нечто высокое, передовое, как сообщество самых мыслящих, самых понимающих... И вдруг ты видишь, что это «самое-самое» сегодня на уровне ПТУ! Ничего не имею против этой ступени образования, но многие так и остаются на ней, не подозревая, как может преобразить всю их жизнь слово прочитанное, спетое — слово живое! И это при том, что в моем репертуаре архисложных вещей нет. Вот в чем вся и трагедия. Я понимаю, если бы я пела какие-то огромные Пиклы на стихи Мандельштама, Пе-

трарки... А так... Это же очень демократичный язык, где все ясно и понятно. Как бы мне хотелось, чтобы, подобно этому залу, можно было преобразить все, начиная с детского сада!

— Вы постоянно не совпадали со временем. Только-только оно наступало для вас, и — то «оттепель» закончилась, то постперестроечной свободой воспользовались другие...

— Я получаюсь такой постоянной андеграунд. Больно не за себя лично, но вот уж действительно за державу обидно. Мои песни можно было бы потрясающе снимать, а время уходит и уходит... На моем примере можно было проследить целый телевизионный пласт жизни песни. Придет время, когда спохватятся — но снимать будет уже некого. Естественно, нас сменят другие поколения, но в моем лице все будет утеряно. Я очень много езжу сегодня и слышу тысячи вопросов: почему вас нет сегодня на ТВ? И я не знаю, что ответить...

— Бывает, что вы переживаете: такие любимые стихи, а музыка на них не написана?

— Есть стихи, о которых думать, что, может, и не нужна им музыка вовсе. Все-таки я должна ориентироваться на общую аудиторию, которая многие строки моих песен слышит впервые — ведь я стараюсь выбирать стихи,

которые не на слуху. Нужно думать обо всех зрителях, а не только о самых просвещенных. Иначе мне пришлось бы выступать только в салонах. В этом смысле для меня очень ценно мнение Жака Бреля, который делил поэзию на песенную и просто стихи. (Не на эстрадную, это я опускаю.) Есть поэзия, но именно песенная. И есть счастливые соединения, когда берутся стихи, о которых поэт и не думал, что они когда-нибудь станут песней.

— Сегодня вы очень много записываетесь. Вы перестали бояться студии?

— Честно сказать, я до сих пор боюсь студии, до сих пор не могу найти место, где мне было бы комфортно работать. Так, как бывает на моих лучших концертах — когда хороший, качественный звук, приятная общая атмосфера. Когда я чувствую за спиной крылья. Так еще ни разу не было в Москве, но один раз было в Германии. То есть я понимаю, что так все-таки может быть...

— Путешествуя, часто находите новые песни?

— Нет, это редчайшие исключения. Но приходится отслушивать огромное количество материала. И это хорошо, что сейчас многие пишут. Бывает, на гастролях прислушиваюсь к песне в твердой уверенности, что это именно для меня. «Мы вас, только вас видим ис-

полнительницей!» На что я отвечаю: «Значит, вы меня еще недостаточно хорошо знаете»...

— А если на минуту забыть об этом, то просто вы, Елена Камбурова, часто находите утешение в собственных песнях?

— Все они — это мое утешение. Особенно я это поняла во время какого-то очень длительного, темного периода в моей жизни. Я цеплялась за них, как тонущий за соломинку. Это была фантастика! Выход с песнями к зрителю буквально спасал меня. Спасает до сих пор и, я надеюсь, будет спасать еще не раз. Я отношусь к ним, как к живым существам. В них так много нужного мне самой, того, что уже вошло в меня, в мою кровь и в мою жизнь, что без них мое существование просто немыслимо. И еще: меня не перестают восхищать мои зрители. Они есть везде, куда бы я ни приезжала. Потрясают родители, которые не мимикрируют под сегодняшнее время, не заигрывают с ним, а делают все возможное, чтобы отвести своих детей и внуков от его влияния. Я разрешаю приходить к нам с детьми 4–5 лет. Вот недавно в Киеве на первом ряду я видела бабушку с внучкой на руках. Поэтому нижайший поклон всем моим зрителям. Да ведь и многие мои друзья — буквально выходцы из моего зрительного зала.

— Вы говорите, что страшно не само одиночество, а как человек ощущает себя в нем...

— Многие одинокие люди похожи на загнанных зверей, которые трусят оглянуться назад. А если бы они оглянулись — увидели бы очень интересную картину, картину совершенно другой своей жизни. Ведь все нам дается неспроста, но мало кому открывается смысл одиночества. Все склонны видеть в нем только отрицательную сторону своей жизни. И я прекрасно понимаю, что женщины особенно трудно отъединиться от стадного понимания своей роли в жизни. Не каждая готова к тому, что рядом нет кого-то сильнее, человека, способного носить ее на руках... А вот я знаю женщин, у которых большой жизненный опыт, и мужья были, и дети есть, и все это ушло, и сегодня они счастливы в своем одиночестве. Им даже трудно представить себе, что кто-то войдет в их мир, где они царствуют одни. Хотя это тоже большая редкость.

— А вы готовы ответить на вопрос: что же это за таинственный инструмент такой, человеческий голос?

— Я всегда считала голос отличным живым существом, и человеческое тело — лишь сосудом для него. А недавно мне показало, что голос — нечто сродни деревьям, цветам, природе. Голос — это то, что Господь преподнес людям в качестве подарка. Люди в ответе за свои голоса, хотя они и не вполне им принадлежат. Нам не принадлежит, в том числе, и наш голос. Когда я слушаю Шалыпина, я думаю: разве это не был величайший дар Бога всем нам?

Беседовал
Александр ВАСИЛЬЕВ